
Восприятие центральных светских и духовных властей переписчиками книг в XVI в. (по материалам выходных записей)

Андрей Усачёв

**Perceptions of central secular and spiritual authorities in Russian regions
in the 16th century (based on the materials of the colophons of manuscripts)**

Andrey Usachev

*(Russian State University for the Humanities, Moscow;
Moscow State Institute of International Relations
(MGIMO University), Russia)*

DOI: 10.31857/S086956870016625-8

К исходу первой трети XVI в. в целом завершился начавшийся ещё в XIV столетии процесс объединения русских земель вокруг Москвы. Фиксируя этот общеизвестный факт, нельзя не задаться вопросом: как новая политическая и административная реальность воспринималась на территории Новгородской, Ростовской, Тверской, Ярославской, Смоленской, Псковской, Рязанской, Суздальской и прочих земель, по историческим меркам сравнительно недавно признавших власть русского государя? Осознавая, что итоги анализа относительно неплохо изученных источников московского происхождения ответа на этот вопрос не дадут¹, исследователи традиционно обращались к памятникам местного летописания и литературы (по преимуществу агиографической). Как правило, их происхождение было связано с относительно крупными книгописными центрами, в первую очередь монастырскими². Однако эти источники не позволяют рассмотреть особенности восприятия политических процессов лицами, представлявшими наиболее многочисленные социальные группы. Для решения данной проблемы необходимо привлечь массовые источники, происхождение которых не всегда связано с крупными центрами.

К числу источников, систематическое изучение которых только начинается, относятся выходные записи на рукописных книгах, сообщающие о их происхождении. Эта информация привязана к определённой дате, в большинстве случаев к определённому месту и социальной среде (колофоны нередко указывают не только имена, но и статус писцов и заказчиков). Столь ценные источники ранее использовались лишь выборочно, для решения почти исключительно

© 2021 г. А.С. Усачёв

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 20-18-00218 «Институты управления Русской церковью в XVI в.».

¹ О методологических сложностях, с которыми сталкиваются специалисты по русскому Средневековью, основываясь на источниках московского происхождения, см.: *Лурье Я.С.* Две истории Руси XV века: ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб., 1994.

² *Масленникова Н.Н.* Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1955. С. 151—178; *Кучкин В.А.* Повести о Михаиле Тверском (историко-текстологическое исследование). М., 1974; *Насонов А.Н.* История русского летописания XI — начала XVIII века: очерки и исследования. М., 1969. С. 210—240; *Лурье Я.С.* Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 316—361; *Лурье Я.С.* Две истории Руси XV века...; *Клосс Б.М.* Избранные труды. Т. 2. М., 2001.

но книговедческих задач. Это обуславливалось тем, что содержащие записи манускрипты рассеяны по десяткам архивохранилищ, расположенных более чем в двух десятках городов России и других стран. Предпринятая мною публикация полных текстов 734 датированных выходных записей 1500—1600 гг. книг из 44 архивохранилищ, а также итоги изучения их происхождения³ дают возможность системно исследовать данный вид источников при изучении проблем социальной истории.

Рассматривая вопрос об особенностях восприятия на местах столичных властей, сосредоточусь на упоминаниях в колофонах русского государя и митрополита (с 1589 г. — патриарха) (речь будет идти о Московской митрополии) в различных регионах Русского государства. Чтобы полнее определить специфику представления сведений о них, будут рассмотрены и упоминания местных светских и духовных властей. Но прежде обратим внимание на особенности привлекаемых источников. Речь идёт о выборке, степень полноты и репрезентативности которой неочевидны⁴. Вопрос о том, насколько выявленный материал отражает реалии, разрешить сложно. Очевидно, что полученные результаты необходимо верифицировать на более широкой источниковой базе.

Анализ большинства выходных записей рукописных книг XVI в. показывает, что говорить о едином для всей страны чётко разработанном формуляре не стоит⁵. Текстологически близкие записи находим на комплектах книг, а также на рукописях, связанных с каким-либо одним книгописным центром, регионом или группой писцов. Например, по единому плану составлялись выходные записи книг писца Кирилло-Белозерского монастыря Гурия (Тушина) первой четверти XVI в., колофоны томов комплекта Миней четых, переписанных в Чудовом монастыре в 1599/1600 г., Годуновских Псалтирей 1590/91—1600 гг., созданных, вероятно, там же; манускриптов 1592—1593 гг., выполненных по поручению вологодского архиепископа Ионы (Думина) (работа над ними велась, по-видимому, в вологодских обителях и в Москве). В общей сложности выявлено несколько десятков подобных записей⁶. Соответственно в полной мере говорить о возможности использования методов, с помощью которых исследуются акты⁷, вряд ли возможно⁸. Подавляющее большинство записей, даже

³ Усачёв А.С. Книгописание в России XVI века: по материалам датированных выходных записей. Т. 1—2. М.; СПб., 2018.

⁴ О степени полноты и репрезентативности данного вида источников см.: Усачёв А.С. Книгописание России... Т. 1. С. 53—58; Усачёв А.С. Книгописание и проблемы социально-экономического развития России XVI в. // Российская история. 2019. № 6. С. 180—201.

⁵ Впрочем, как отмечает крупнейший исследователь русских средневековых актов, несмотря на все старания властей, говорить о едином формуляре и применительно к актам для XVI в. трудно (Кашианов С.М. Очерки русской дипломатики. М., 1970. С. 149).

⁶ Подробнее о параллелях (порой текстуальных) в текстах выходных записей см.: Сергеев А.Г. Библиотека Корнильево-Комельского монастыря: проблемы реконструкции // Книжные центры Древней Руси. Кирилло-Белозерский монастырь. СПб., 2008. С. 482; Усачёв А.С. О происхождении Годуновских Псалтирей и текстологии выходных записей рукописных книг XVI в. // Исторические записки. Вып. 16(134). М., 2016. С. 156—171; Усачёв А.С. Книгописание в России... Т. 1. С. 83, 171, 233, 240, 349—350.

⁷ Кашианов С.М. К изучению формуляра великокняжеских духовных грамот конца XIV — начала XVI в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 11. Л., 1979. С. 238—251; Кашианов С.М. Очерки русской дипломатики. С. 26—149; Кашианов С.М. Русская дипломатика. М., 1988. С. 169—193.

⁸ С этим, в частности, связаны критические замечания Л.В. Мошковой и А.А. Турилова к методам работы Л.В. Столяровой с записями на книгах, которые используют специалисты в области актовой археографии (ср.: Столярова Л.В. Древнерусские надписи XI—XIV веков на пергаменных

выполненных в крупных книгописных центрах, носят «авторский» характер (при всей условности этого термина применительно к эпохе Средневековья)⁹. В ряде случаев речь, по сути, идёт о произведениях древнерусской оригинальной литературы объёмом от нескольких строк до 1—2 страниц, для которых характерна топика и обильное цитирование Священного Писания¹⁰. В основном же записи существенно короче, суше и деловитее по содержанию. Помимо информации о происхождении манускриптов они сообщают факты, которые по тем или иным причинам были важны для переписчиков (о неурожаях, пожарах, наводнениях, боевых действиях)¹¹. Зачастую колофоны, которые в отличие от основного текста, переписанного почти неизменно полууставом, писались менее «торжественной» скорописью, выполнялись непрофессиональными писцами¹². Как правило, это были грамотные представители различных социальных групп невысокого статуса. Возможно, с тем, что книгописание для большинства переписчиков не являлось основным занятием, отчасти и можно связывать отсутствие единого формуляра в большинстве записей¹³.

Выходные записи являются неофициальным источником. Если писцы могли допускать «самоцензуру», то вероятность внешней «цензуры» применительно к данному виду источников в подавляющем большинстве случаев была исключена. Вряд ли представители местной или центральной администрации отслеживали содержание записей на книгах, переписанных в мелких или средних монастырях, на посадах городов (в том числе не самых крупных) и тем более при сельских приходах. На отсутствие «цензуры» косвенно указывает то, что в ряде случаев писцы далеко не всегда точно воспроизводили титул государя и митрополита, порой давая устаревшую форму, что в официальных документах не допускалось¹⁴. Так, с одной стороны, некоторые писцы, которых трудно заподозрить в стремлении польстить русскому государю, в той или иной форме упоминали его с царским титулом до 1547 г.¹⁵ С другой — известны десятки записей, упоминающих русского государя без царского титула после 1547 г., а митрополита и после раздела единой митрополии как «митрополита Киев-

кодексах. М., 2000. С. 74—135; *Мошкова Л.В., Турилов А.А.* Плоды ливанского кедр. М., 2003. С. 11—12, 14).

⁹ О понятиях «авторство» и «авторский текст» применительно к русскому Средневековью см.: *Коняевская Е.Л.* Авторское самосознание древнерусского книжника (XI — середина XV в.). М., 2000; *Усачёв А.С.* Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М.; СПб., 2009. С. 374—444.

¹⁰ Таковы, например, выходные записи Сборника 1519 г., «Боровского» Евангелия-тетр 1533 г., списка Кормчей 1553 г., рукописи 1553 г., содержащей Патерики (*Усачёв А.С.* Книгописание в России... Т. 2. № 116, 229, 405, 406).

¹¹ *Усачёв А.С.* События прошлого глазами русских писцов XVI века // Диалог со временем. Вып. 73. М., 2020. С. 343—359.

¹² Число профессиональных книгописцев, судя по всему, было сравнительно невелико (*Усачёв А.С.* Книгописание в России... Т. 1. С. 301—304, 312—314, 317, 321).

¹³ Одни и те же писцы, переписывая различные манускрипты, могли в одних случаях упоминать правящего государя и архиерея, в то время как в других — пропускали одного из них или обоих (*Усачёв А.С.* Книгописание в России... Т. 2. № 18, 30, 169, 404, 423, 441, 540).

¹⁴ Достаточно вспомнить щепетильность русских дипломатов относительно тонкостей воспроизведения титула русского государя (*Юзефович Л.А.* Путь посла. Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал. Конец XV — первая половина XVII в. СПб., 2007. С. 261—267; *Филошкин А.И.* Титулы русских государей. М.; СПб., 2006. С. 88—105).

¹⁵ *Усачёв А.С.* Некоторые замечания об употреблении царского титула русских государей до 1547 г. (по материалам выходных записей на рукописных книгах) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 4(62). С. 107—112.

ского и всея Руси»¹⁶. Порой писцы допускали «вольности» и при титуловании «своего» епископа. Например, муромский писец Олфей сын Диомидов в текстах выходных записей списков Евангелия-тетр 1518/19 и 1522 гг. епископов Сергия (1517—1521) и Иону (1522—1547) именовал не «рязанскими и муромскими», а «муромскими и рязанскими»¹⁷. Нетрудно заметить, что писец свой город в титуле владыки поместил на первое место. Неофициальный характер записей придаёт рассматриваемым источникам особую ценность при изучении того, как часто грамотные лица различного статуса упоминали московские власти.

Следующим обстоятельством, которое следует иметь в виду, оценивая эвристический потенциал колофонов, является социальный состав 477 известных нам писцов. В подавляющем большинстве случаев сведения о них содержат лишь записи на книгах: писцы иногда указывали свой статус, или его можно установить из отдельных упоминаний переписчиков в других источниках (актах, писцовых книгах и др.). Чаще всего это были рядовые иноки, представители сельского и городского клира, монастырские слуги, пушкарки, слуги светских лиц. Лишь отдельные переписчики (21 человек из 477) представляли церковную иерархию, правда, в большинстве случаев на момент участия в книгописных работах они являлись ещё простыми иноками¹⁸. Иными словами, в записях отражены особенности мировосприятия грамотных представителей достаточно многочисленных слоёв населения, далёких от вершины социальной лестницы. Конечно, нельзя полностью исключать того, что иногда писцы при упоминании государя или митрополита могли ориентироваться и на пожелания заказчиков (статус заказчиков в целом был заметно выше статуса переписчиков)¹⁹. Учитывая, что, как правило, выходная запись выполнялась «неофициальной» скорописью, а непосредственно текст книги «официальным» полууставом, можно думать, что такие случаи встречались редко.

Ареал переписки известных мне книг охватывает всю территорию Русского государства XVI в. — Центр, Северо-Запад, Северо-Восток, Поморье, Запад, Юг, Юго-Запад, Поволжье. С большей или меньшей степенью гипотетичности происхождение выявленных книг удалось связать с 92 монастырями, 37 городами, несколькими десятками других населённых пунктов. Сохранившийся материал распределяется по регионам неравномерно — больше всего дошло книг, переписанных в Центре, на Северо-Востоке и на Северо-Западе²⁰. Некоторые регионы (Новгородская, Псковская, Рязанская земли, Поморье, Вятка) вошли в состав страны относительно недавно.

Обратим внимание на распределение числа упоминаний русского государя, митрополита, а также представителей местных духовных и светских властей (архиерея, наместников, воевод и др.) в записях книг, переписанных лицами различного социального статуса. Первую группу составляют иноки, как рядовые (их большинство), так и те, кто со временем заняли высшие ступени цер-

¹⁶ Усачёв А. С. Упоминания титула русского митрополита и государя в неофициальных источниках XVI в. (на материале выходных записей на книгах) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 3(65). С. 45—56.

¹⁷ Усачёв А. С. Книгописание в России... Т. 2. № 108, 143.

¹⁸ Подробнее о социальном и персональном составе писцов рукописных книг XVI в. см.: Там же. Т. 1. С. 200—325.

¹⁹ Там же. С. 326—446.

²⁰ Подробнее о географии переписки рассматриваемых манускриптов см.: Там же. С. 59—199.

ковной иерархии или на момент переписки книги ушли на покой²¹. Ко второй группе относятся представители белого духовенства (священники, дьяконы, дьячки и проч.), к третьей — светские лица различного статуса (слуги, служилые люди и т.д.)²². Если над рукописью работали два и более писца различного статуса (например, инок и светское лицо), сведения о составленных ими записях не приводятся (см. табл. 1).

Таблица 1

Статус писцов	Упоминания государя	Упоминания митрополита	Упоминания местного архиерея	Упоминания представителей местных светских властей	Всего записей
Чёрное духовенство	61 (44,5%)	36 (26,3%)	25 (18,2%)	3 (2,2%)	137
Белое духовенство	90 (65,7%)	56 (40,9%)	38 (27,7%)	9 (6,6%)	137
Светские лица	121 (48,9%)	76 (30,6%)	54 (21,8%)	5 (3,6%)	248

Нетрудно заметить, что наиболее индифферентными к светским и, что несколько удивительно, церковным властям являлись писцы из среды чёрного духовенства. Несколько неожиданно, что представителей не только церковных, но и светских властей (в том числе местных) чаще всего упоминают писцы-священнослужители. Предположу, что отчасти это можно связывать с тем, что они регулярно присутствовали на церковной службе, где поминались главы светской и духовной власти. Также очевидно, что лица из белого духовенства и миряне чаще контактировали с представителями местных и столичных властей, нежели основная масса монахов. Общеизвестно, что при решении церковных и хозяйственных вопросов, связанных с взаимодействием с властями, от лица монастыря выступали настоятели, келари и соборные старцы.

С точки зрения типов селений, в которых переписывались манускрипты, частота упоминаний писцами представителей центральных и местных властей также различается. Приведу сравнительные данные по записям книг, произведённых в монастырях²³, городах²⁴ и прочих населённых пунктах (как правило, при сельских приходах)²⁵.

²¹ Согласно моим подсчётам, среди 125 писцов из среды чёрного духовенства 104 (83,2%) принадлежали к числу рядовых иноков. Таковыми же на момент участия в книгописных работах являлись 18 из 21 представителя высшей церковной власти. Правда, в некоторых случаях речь шла о находящихся на покое настоятелях и архиереях (Там же. С. 201—248).

²² Подробнее о критериях, которыми я руководствовался, относя писцов к данной группе, см.: Там же. С. 269—307.

²³ Учитываются и монастыри, находившиеся на территории того или иного города. Исключение составляет рукопись, которую начали переписывать в Ростове, а завершили в Кирилло-Белозерском монастыре (Там же. Т. 2. № 598).

²⁴ К числу «городских» книг я отношу и те, которые, возможно, переписывались в городской округе. Не учтена рукопись, переписанная в Копенгагене (Там же. № 571).

²⁵ Сведения о записях 46 рукописей, точное место написания которых неизвестно, не приводятся.

Таблица 2

Место переписки	Упоминания государя	Упоминания митрополита	Упоминания местного архиерея	Упоминания представителей местных светских властей	Всего записей
Монастыри	162 (60%)	106 (39,3%)	64 (23,7%)	6 (2,2%)	270
Города	82 (66,1%)	45 (36,3%)	28 (22,6%)	7 (5,6%)	124
Другие населённые пункты	30 (62,5%)	19 (39,6%)	17 (35,4%)	4 (8,3%)	48

Чаще всего упоминания светских и церковных властей встречаются в записях книг, переписанных за пределами монастырей (главным образом, при сельских приходах). Согласно моим подсчётам, в городах было переписано около $\frac{1}{4}$, в прочих населённых пунктах — около $\frac{1}{10}$ от общего числа локализованных манускриптов. И тех и других меньше, нежели рукописей, имеющих монастырское происхождение. Последних сохранилось около 56,3%²⁶. Следует иметь в виду, что число приходов в России XVI в. исчислялось тысячами (более точными цифрами исследователи применительно к данному периоду не располагают). Они обладали небольшими библиотеками (как правило, от четырёх до шести книг)²⁷. В силу этого допустимо думать, что представители светских и духовных властей — как центральных, так и местных — в выходных записях упоминались несколько чаще, нежели это следует из фрагментарно дошедшего материала. В монастырях государя и первосвященника поминали реже (доля записей, в которых фигурируют митрополит и архиерей, в городах и монастырях примерно одинакова). Последнее хорошо согласуется с отмеченным выше фактом: писцы-иноки в целом реже упоминали государя, митрополита и архиерея.

Судя по сохранившемуся материалу, представителей местных и центральных — светских и духовных — властей чаще всего упоминали писцы из числа белого духовенства и светские лица. По-видимому, особенно велика была доля упоминаний лиц соответствующего статуса в текстах послесловий книг, переписанных при сельских приходах. Степень их сохранности, правда, оставляет желать лучшего.

В записях рассматриваемого периода выявлено 365 упоминаний государя²⁸ из 734 имеющихся (около 49,7%). Рассмотрим их распределение по регионам. С большей или меньшей степенью гипотетичности с тем или иным населённым пунктом (более или менее ограниченной территорией) мне удалось связать происхождение 435 рукописей (около 59,3%)²⁹.

²⁶ Усачёв А. С. Книгописание в России... Т. 1. С. 197—198.

²⁷ Там же. С. 440—444.

²⁸ Учитываются упоминания государя в роли заказчика, одно упоминание государя «имярек», одно упоминание «русских самодержцев» (имена не приведены), одна запись, в которой на месте имени государя фиксируется утрата, а также одно упоминание безымянного «великого государя вся Руси» (Там же. Т. 2. № 7, 96, 122, 186, 360, 530, 535—537, 545).

²⁹ Не приводятся данные о неустановленных монастырях и населённых пунктах, а также о книге, переписанной в Копенгагене. Кроме того, не учитываются записи 37 рукописей, судя по упоминанию архиереев, переписанных на территории обширных Новгородской и Ростовской

Таблица 3

Регион	Число записей	
	с упоминанием государя	без упоминания государя
Центр	125 (73,5%)	45 (26,5%)
Северо-Восток	61 (56%)	48 (44%)
Северо-Запад	39 (55,7%)	31 (44,3%)
Поморье	31 (52,5%)	28 (47,5%)
Запад	3 (60%)	2 (40%)
Поволжье	3 (43%)	4 (57%)
Юг	6 (75%)	2 (25%)
Юго-Запад	4 (57%)	3 (43%)

Приведу данные о времени написания книг с записями, упоминающими государя, по регионам. В центре страны такие упоминания в 1500-х гг. есть в 8 записях из 13, 1510-х — в 15 из 23, 1520-х — 11 из 16, 1530-х — 12 из 15, 1540-х — 9 из 14, 1550-х — 26 из 33, 1560-х — 8 из 12, 1570-х — 3 из 3, 1580-х — 6 из 8, в 1590-х гг. — в 27 из 33 записей. Нетрудно заметить их стабильное преобладание. В среднем число рукописей с упоминаниями государя составляло почти $\frac{3}{4}$ от общего числа выявленных. Особенно явно это преобладание в периоды наиболее интенсивной переписки книг (1550-е и 1590-е гг.), когда доля записей, упоминающих государя, превышала 80%. Ввиду незначительного числа книг, дошедших от 1570-х гг., об этом десятилетии трудно сказать что-либо определённое³⁰.

На Северо-Востоке государя упоминали в 1500-х гг. 4 записи из 6 имеющихся, 1510-х — 6 из 17, 1520-х — 5 из 10, 1530-х — 6 из 10, 1540-х — 10 из 18, 1550-х — 7 из 12, 1560-х — 6 из 11, 1570-х — ни одной из 1, 1580-х — 9 из 11, в 1590-х гг. — 8 из 13 записей. В целом доля рукописей, переписанных на Северо-Востоке, записи которых упоминают государя, стабильна. Можно лишь отметить тенденцию к некоторому учащению таких упоминаний к концу столетия: в 1580-х гг. их доля составляла около 81%, в 1590-х — около 61%. Известную условность подсчётам придаёт то, что значительная часть сохранившихся датированных манускриптов Северо-Востока страны происходила из Кирилло-Белозерского монастыря. Так, в 1580—1590-х гг. из 24 книг таких выявлено 10. Семь из них были переписаны по поручению влиятельного кирилловского соборного старца Леонида (Ширшова), судя по всему, тесно связанного со столичной церковной и политической элитой³¹. Вряд ли стоит

епархий (в первом случае речь могла идти о Поморье и Северо-Западе, во втором — о Центре и Северо-Востоке). Также не берутся в расчёт манускрипты (их число незначительно), работа над которыми началась в одном регионе, а завершилась в другом.

³⁰ Подробнее о динамике переписки книг в России XVI в. см.: Усачёв А. С. Книгописание и проблемы социально-экономического развития... С. 181—188.

³¹ Грицевская И. М. Старец Кирилло-Белозерского монастыря Леонид Ширшов и его книжное собрание // Книжные центры Древней Руси. Книжники и рукописи Кирилло-Белозерского монастыря. СПб., 2014. С. 201—224.

удивляться тому, что в записях шести из семи его книг упоминаются государь, митрополит (патриарх) и ростовский владыка.

По времени написания упоминающие великого князя (царя) выходные записи книг, переписанных на Северо-Западе, распределяются следующим образом: 1500-е гг. — 7 записей из 11, 1510-е — 7 из 12, 1520-е — ни одной из 3, 1530-е — 6 из 13, 1540-е — 4 из 5, 1550-е — 8 из 11, 1560-е — 3 из 4, 1570-е — 2 из 3, 1580-е — ни одной из 1, 1590-е — 2 из 7 записей. В целом доля записей, упоминающих государя, достаточно высока. Это, на первый взгляд, неожиданно для региона, который к Русскому государству был присоединен лишь в 1470-е гг. (Новгородская земля) или даже в 1510 г. (Псков). Однако следует иметь в виду, что присоединение сопровождалось массовым переселением сюда жителей центра страны.

Среди колофонов книг, произведённых в Поморье, в 1500-х гг. государя не упоминает ни одна из двух имеющихся записей, в 1510-х — 4 из 5, 1520-х — 2 из 3, 1530-х — 3 из 6, 1540-х — 5 из 8, 1550-х — 4 из 4, 1560-х — 1 из 5, 1570-х — 3 из 6, 1580-х — 5 из 10, в 1590-х гг. — 4 из 10 записей.

Видим, что в регионах соотношение записей, упоминающих/не упоминающих государя, составляет примерно 1:1, в то время как в центре оно принципиально иное — 3:1. В периоды интенсификации книжных работ в стране (1550-е и 1590-е гг.) доля таких записей в центре превышала 80%. Отчасти это может быть связано с более высокой степенью сохранности крупных комплектов московских рукописей — Миней четых, переписанных в столичном Чудовом монастыре в 1600 г. (10 манускриптов), и Годуновских Псалтирей (11), произведённых, вероятно, там же. Свою роль сыграло и то, что основная часть книг центрального региона приходится на Москву и Подмоскowie. В то же время нельзя не заметить, что дошёл и значительный комплект рукописей (10), переписанных по заказу вологодского архиепископа Ионы (Думина), большинство из которых, очевидно, переписывалось на Северо-Востоке (государя они не упоминают).

Есть все основания полагать, что, судя по фрагментарно сохранившимся источникам, в центре государя поминали гораздо чаще, нежели на окраинах. В этом случае следует говорить о тематических приоритетах, отразившихся в сравнительно небольших, как правило, «авторских» текстах. При этом отрывочно сохранившийся материал позволяет зафиксировать тенденцию к некоторому увеличению доли книг, записи которых упоминали государя, в середине — второй половине XVI в., по крайней мере на Северо-Западе и Северо-Востоке.

В связь со сказанным выше поставлю любопытный факт. Упоминания государя, а также митрополита и местного архиерея не фиксируются в записях манускриптов, переписанных в отдалённых от Центра населённых пунктах и монастырях (их, правда, сохранилось относительно немного). К числу таковых относятся Устюг Великий (записи двух книг 1518 г.); монастыри: Николо-Медведский в окрестностях Ладоги (1504), Александро-Ошевенский (1598/99), Княжозерский в окрестностях Гдова (1519/20), Николо-Корельский (1519 и 1544 гг.), Кегрольский (1533), Спасо-Преображенский Рабангский на Кубенском озере (1565/66), пошехонский Никольский на Выксе (1593), Григорьев Пельшемский Лопотов (1565), медынский Благовещенский (1597/98); Шуезерский погост Новгородской земли (1598), Усть-Паденгская волость Важского уезда (1534/35), Княжостровская волость Двинского уезда (1539/40 и 1541/42 гг.), мезенская Чирцова пустынь (1589), с. Нюхча Заонежской деся-

тины Новгородской епархии (1560), территория, примыкающая к Катромскому озеру (1555), с. Чаруса Старорязанского стана Рязанского уезда (1588), Ливны (1599—1600/01). Крайне редко упоминали государя и первосвященника в бело-зерских обителях.

Нельзя утверждать, что во всех отдалённых от центра населённых пунктах умалчивали о столичных светских и духовных властях. Имена правителей приводят записи книг с территории волости Пянда (1563/64) и Ромашевского погоста Кокшенгской чети (1515) Важского уезда, Куростровской волости Двинского уезда (1533), волости Ловзонга Каргопольского уезда (1550), Городищенской волости Устюжского уезда (1557), Емецкого погоста Двинской земли (1572/73) и др. Всего выявлено 22 такие записи.

Говоря о частоте упоминаний в записях сохранившихся книг имён конкретных государей, трудно выявить какую-либо тенденцию (см. табл. 4). Соотношение примерно одинаково — чуть более (Иван III, Иван IV, Борис Годунов) или чуть менее (Василий III, Фёдор Иванович) половины от имеющихся записей при среднем показателе около 49,7%. Некоторое увеличение доли колофонов, упоминающих Ивана III (до 63,2%), может быть связано с тем, что учтены упоминания лишь за последние годы его правления. Манускрипты, переписанные в период соправительства Василия III с отцом, не учитываются.

Таблица 4

Государь	Общее число сохранившихся книг	Число упоминаний
Иван III (за 1499/1500—1505 гг.)	19	12 (63,2%)
Василий III	213	98 (46%)
Иван IV	355	182 (51,3%)
Фёдор Иванович	119	59 (49,6%)
Борис Годунов (за 1598—1600 гг.)	28	15 (53,6%)

Число упоминаний вне зависимости от фигуры государя на протяжении рассматриваемого столетия стабильно — соответствующие записи составляют около половины от общего числа. С известной долей гипотетичности можно предположить, что резкого сокращения или учащения упоминания государя не происходило ни на фоне относительно «мягких» периодов правления Василия III и Фёдора Ивановича, ни в насыщенную репрессиями эпоху Ивана IV. Во всяком случае рассматриваемые источники этого не фиксируют. На то, что имя государя, независимо от занимавшей великокняжеский стол персоны, было своего рода «константой» для значительной части писцов, указывает запись списка толкового Евангелия 1516 г. Оно переписывалось в Ивангороде состоящим на государевой службе пушкарем Василием Остафьевым сыном Новгородовым по поручению наместника города И.Н. Бутурлина. В колофоне отмечается, что работа велась «при державе государя *имярек* (курсив мой. — А.У.)»³². Нельзя исключить того, что в распоряжении писца был образец выходной записи (с именем другого государя или с формой «имярек»). На это косвенно

³² Усачёв А.С. Книгописание в России... Т. 2. № 96.

указывает и насыщенная топиной витиеватая «литературная» часть выходной записи, происхождение которой трудно связать с фигурой пушкар³³.

Главу Русской церкви писцы упоминали существенно реже, чем государя, — в 217 из 734 записей³⁴ (около 29,56%). С той или иной степенью гипотетичности локализованные книги (записи), упоминающие и не упоминающие первосвятителя, по регионам распределяются следующим образом (табл. 5).

Таблица 5

Регион	Число записей	
	с упоминанием митрополита	без упоминания митрополита
Центр	75 (44%)	95 (56%)
Северо-Восток	50 (46%)	59 (54%)
Северо-Запад	20 (28,5%)	50 (71,5%)
Поморье	19 (32%)	40 (68%)
Запад	1 (20%)	4 (80%)
Поволжье	2 (30%)	5 (70%)
Юг	2 (22%)	7 (78%)
Юго-Запад	3 (42%)	4 (58%)

Больше всего упоминаний митрополита в записях книг, произведённых на северо-востоке страны. Их доля даже несколько выше, чем в книгах, написанных в центре. На имеющейся источниковой базе в полной мере объяснить этот казус не представляется возможным. Частично это можно связывать с тем, что значительная часть этого региона (Кострома, Галич Мерьский и др.) входила в состав Митрополичьей области, и в соответствующих записях первосвятитель упоминается помимо прочего и как епархиальный архиерей. В состав Митрополичьей области входила и значительная часть будущей Вологодской епархии. На этой территории находились владения Всероссийской кафедры, а также домовые митрополичьи монастыри³⁵.

³³ «Изволением Отца и споспешением Святаго Духа в лето 7000 двадесать пятаго при державе государя имярек глаголемая книга Еуангелъе тольковое. Ино, господее мои, отци и братья, аще где буду описался в помышлении своего ума, колюбующимся яко трость ветром, тако же и аз поколебленным есмь многими мыслями на всяк час о мирьстем житии века сего или сном одержим, или беседа с кем. Где буду описался в книзе сеи, исправляйте, господие мои, своим смыслом и целомудрием сами собою, а мене грешнаго в том не клените, но простите и благословите. Да и вас Бог простит в сии век и в будущей». Некоторые аналогии данному фрагменту см.: Там же. № 93, 154, 211, 283.

³⁴ В это число включены и упоминания первосвятителей с ошибками в их именах, два упоминания безымянного «митрополита московского» (в одном случае, очевидно, речь шла об утрате фрагмента листа), одно упоминание безымянного «святейшего патриарха», а также имя, восполненное в тексте, вероятно, какое-то время спустя после написания колофона (Там же. № 56, 185, 361, 585, 596, 622, 654, 705).

³⁵ Горчаков М.И. О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и Св. Синода (988—1738 гг.). Из опытов исследования по истории русского права. СПб., 1871. С. 57—58; Веселовский С.Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. 1. М.; Л., 1947. С. 379—381, 439.

С определённой долей гипотетичности рассматриваемый казус можно объяснить тем, что значительная часть данного региона — Вологодская земля, — несмотря на её относительно отдалённое местоположение, в административном отношении, по крайней мере, с XIV в. тяготела к центру в гораздо большей степени, нежели Ростовский, Ярославский и некоторые другие уезды. За исключением краткого периода правления удельного князя Андрея Васильевича Меньшого (1462—1481) Вологда, в отличие от Ростова, Ярославля и Белоозера, самостоятельным княжеским столом со своей династией и традициями политической независимости не располагала. Своей владычной кафедрой в Вологде, ранее входившей в состав Митрополичьей области, на протяжении длительного времени также не было (лишь в 1492 г. она была включена в состав Пермской епархии, центр которой переместился из Усть-Выми в Вологду только в 1560-х гг.)³⁶. В политическом и административном отношении речь идёт о территории, за которую в XIV — первой половине XV в. шла напряжённая борьба между Москвой и Новгородом. С этим, в частности, может быть связана относительная частота упоминаний на данной территории как государя, так и митрополита, причём их количество значительно превосходит число упоминаний местного архиерея, что нетипично для прочих русских епархий, центры которых совпадали с центрами княжеств, признавших власть московского государя в XV — первой трети XVI в.

Значительное количество упоминаний митрополита находится в записях книг, происходивших из центра страны. Это можно связывать с тем, что основная часть рукописей, переписанных в центре, приходится на Москву и Подмоскovie. Очевидно, что митрополита там видели существенно чаще, нежели в иных регионах. Следует также иметь в виду, что основную часть центра составляла Митрополичья область, которая непосредственно подчинялась первосвятителю³⁷. По отношению к соответствующей территории он выступал в роли как главы Церкви, так и епархиального архиерея.

Относительно невысока доля упоминаний митрополита в колофонах книг, происходящих с территории Северо-Запада (по преимуществу они имеют новгородское происхождение) и Поморья. По причине незначительного числа книг, происходивших из других регионов, сказать что-либо определённое о распределении упоминаний первосвятителея в их записях сложно.

Приведу данные о частоте упоминаний конкретных персон, занимавших Всероссийскую кафедру в XVI в. (см. табл. 6).

³⁶ Берташ А., диак., Кузьмин А.В., Смирнова С.С., Шамина И.Н., Шершаков И., прот. Вологодская и Кирилловская епархия // Православная энциклопедия. Т. 9. М., 2005. С. 240—244.

³⁷ О её границах см.: Покровский И.М. Русские епархии в XVI—XIX вв., их открытие, состав и пределы (Опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования). Т. 1. Казань, 1897. С. 160—173; Кузьмин А.В. Митрополичья область // Православная энциклопедия. Т. 45. М., 2017. С. 437—440.

Таблица 6

Митрополит	Общее число сохранившихся датированных книг	Число упоминаний
Симон (за 1499/1500—1511 гг.)	54	14 (25,9%)
Варлаам	85	25 (29,4%)
Даниил	136	33 (24,3)
Иоасаф (Скрипицын)	21	4 (19%)
Макарий	205	58 (28,3%)
Афанасий	8	1 (12,5%)
Филипп (Колычев)	22	8 (36,4%)
Кирилл	19	2 (10,5%)
Антоний	28	8 (28,6%)
Дионисий	19	9 (47,4%)
Иов (за 1586—1600 гг.)	137	54 (39,4%)

Видим, что в первой половине — середине XVI в. владык, занимавших кафедру относительно длительное время (от 10 лет и более — Симон, Варлаам, Даниил, Макарий), упоминают около 24—29% имеющихся записей. Эта доля близка к средней величине за столетие, составляющей примерно 29,6%. К концу XVI в. доля записей, упоминающих митрополита (патриарха), заметно возрастает с 28,6% (время Антония) до 39,4—47,4% (эпоха Дионисия и Иова).

Попытаемся выяснить, насколько часто в выходных записях книг, переписанных в разных частях Русского государства, упоминались местные духовные и светские власти, представленные архиереями, наместниками и воеводами. Ниже представлены сведения о числе упоминаний не только местного владыки, но и государя и первосвященника³⁸.

Из 164 рукописей, происхождение которых было связано с территорией Новгородской епархии, местный архиерей упоминается в 64 колофонах (38%), государь — в 90 (54,9%), митрополит — в 44 (26,8%). Из 79 рукописей, происходивших с территории Ростовской епархии, местный владыка упоминается в 35 записях (44,3%), государь — в 42 (53,2%), митрополит — в 24 (30,4%). Для 41 рукописи Вологодской епархии это соответственно 14 (34,1%), 31 (75,6%) и 29 (70,7%); для 19 рукописей Тверской епархии — 11 (57,9%), 18 (94,7%) и 8 (42,1%); для 12 рукописей Рязанской епархии — 5 (41,7%), 8 (66,7%) и 1 (8,3%); для 6 послесловий к рукописям Суздальской епархии — 3 (50%), 6 (100%) и 4 (66,7%); для 4 записей книг Казанской епархии — 2 (50%), 2 (50%) и 1 (20%) запись. Колофон единственной рукописи, переписанной на территории, образованной лишь в конце XVI в. Псковской епархии, упоминает и местного архиерея, и государя, и патриарха.

³⁸ Весьма немногочисленные рукописи, судя по упоминаниям двух архиереев, переписанные на стыке Новгородской, Ростовской и Вологодской епархий (территория Русского Севера), мною не учитываются.

С точки зрения частоты упоминаний статусных лиц в масштабах всей страны порядок следующий (он отражён и в приводимой в тексте записи последовательности имён): государь (49,7%) — митрополит (29,6%) — местный архиерей (20%). Однако за исключением Вологодской епархии, особая связь которой с центром отмечалась выше, в большинстве епархий наблюдается иная ситуация³⁹. Доля упоминаний местного архиерея в них выше, нежели всероссийского владыки. В Тверской епархии разница между их упоминаниями не так заметна, в то время как в других — существенна. Местного архиерея на территории Новгородской и Ростовской епархий упоминали более чем в полтора раза чаще, чем митрополита, в Рязанской — в пять раз.

Впрочем, говоря о ростовских манускриптах, следует иметь в виду одно обстоятельство. Среди сохранившихся рукописей, происходивших из Ростовской епархии, большинство составляют переписанные в обителях Белозерья. Из 79 ростовских манускриптов их не менее 44 (55,7%). Самую значительную часть — 32 (40,5%) — составляют рукописи Кирилло-Белозерского монастыря. В этой обители государя и митрополита писцы поминали нечасто: первого — в 12 записях (37,5%), второго — в 9 (28,1%). Ростовский владыка фигурирует в 10 записях (31,2%). В прочих книгах из белозерских обителей столичные и местные власти также поминались крайне редко: в 12 записях манускриптов, переписанных в Порфирьевой пустыни, Ферапонтовом монастыре и в Филимоновом скиту, лишь две упоминают государя, одна — митрополита, одна — ростовского владыку. Возможно, это обусловлено замкнутостью писцов на локальных интересах. На это, в частности, указывают и сравнительно редкие упоминания в рукописях местного (ростовского) архиерея. В связи с этим поставлю уже отмеченный выше факт: государя и первосвященника не упоминают колофоны целого ряда книг, переписанных в других удаленных уголках страны.

В более близких к центру населённых пунктах Ростовской епархии (Ростов, Углич, Ярославль и т.д.) власти — как столичные, так и местные — упоминались существенно чаще. В 35 таких записях государь фигурирует 28 раз (80%), митрополит — 14 (40%), ростовский владыка — 24 раза (68,6%). Впрочем, и здесь число упоминаний местного архиерея значительно — более чем в полтора раза — превосходит число упоминаний первосвященника.

Среди колофонов манускриптов, правда, не слишком многочисленных, происходящих с территории Рязанской епархии, удалось обнаружить лишь одно упоминание митрополита⁴⁰, в то время как имя местного владыки приведено пять раз. Очевидно, это можно объяснить относительно поздним окончательным присоединением Рязанского великого княжества к Русскому государству (1521).

³⁹ В силу малочисленности сохранившихся рукописей что-либо определённое о распределении упоминаний лиц соответствующего статуса на территории Казанской, Псковской и Суздальской епархий сказать сложно.

⁴⁰ Заказчиком сборника слов Иоанна Златоуста «Маргарит» 1557 г. был рязанский владыка Гурий. Будучи выходцем из Можайского Лужецкого монастыря, он являлся учеником упоминаемого в записи митрополита Макария (последний некоторое время возглавлял Можайскую обитель). Возможно, упоминание первосвященника писцом — рязанским священником Марком — связано с этими фактами биографии заказчика. Любопытно, что, заканчивая работу уже над другой рукописью — Псалтирью 1569 г., — священник Марк не счёл необходимым упоминать митрополита, приведя в тексте колофона лишь имена Ивана IV и рязанского епископа Сергия (*Усачёв А.С.* Книгописание в России... Т. 2. № 441, 540).

Предположу, что сравнительно редкие упоминания всероссийского владыки на территориях Новгородской, Ростовской и Рязанской епархий можно объяснить стремлением писцов подчеркнуть автономию своего региона по отношению к центру, по крайней мере в церковно-административной сфере⁴¹. Свою роль могло играть и то, что местные архиереи в соответствующих городах в XVI в. по сути представляли единственный институт власти из оставшихся после утраты ими независимости. Недаром порой именно к ним на службу переходили бояре прежних князей⁴². Упоминание местного владыки в условиях инертности средневекового сознания могло служить важной нитью, связывавшей прошлое и настоящее — эпоху былой самостоятельности с новой политической и административной реальностью. В случае с Новгородской и Ростовской епархиями большое значение мог иметь и их особый статус. Новгородский владыка занимал второе место в иерархии Московской митрополии Русской церкви (после первосвященника), ростовский — сначала третье, а после образования Казанской епархии (1555) — четвертое. В случае с Рязанью следует обратить внимание на время её вхождения в состав Русского государства.

Среди представителей местных светских властей, упоминаемых в записях, выделяются удельные князья (их число невелико) — старицкие (Андрей Иванович и Владимир Андреевич), углицкий (Дмитрий Иванович Жилка) и дмитровский (Юрий Иванович). Большинство же упоминаний приходится на иных лиц — воевод и наместников Двинской земли, Казани, Пскова, Смоленска, Тотьмы, Устюга Великого и Чернигова. Также писцы приводят сведения об устюжском десятильнике и волостеле Соли Вычегодской. Записи более или менее равномерно распределяются по XVI в. Наиболее ранняя из них относится к 1499/1500 г., наиболее поздняя — к 1600 г. В 16 случаях из 19 упоминания представителей местной светской администрации дополняли перечень «основных» статусных персон (государя, первосвященника и местного архиерея). Известно лишь о трёх записях, упоминающих наместников, в которых не фигурировал ни государь, ни митрополит, ни архиерей. В двух случаях речь шла об Устюге Великом (оба манускрипта относятся к 1518 г.), третью рукопись (1536/37) ввиду плохой сохранности текста записи локализовать не удалось.

Обратим внимание на крайнюю малочисленность упоминаний представителей местных светских властей. Таких колофонов известно лишь 19 из 734 (2,6%), что не идёт ни в какое сравнение с упоминаниями местных архиереев и тем более столичных светских и духовных властей. В то же время данные записи имеются в книгах, происходящих практически из всех регионов: Смоленска (1 манускрипт), Николо-Улейминского монастыря (1), Устюга Великого и его окрестностей (2), Тотемского уезда (2), Котовальской волости Сухонской трети Устюжского уезда (1), Пскова и его округа (3), Чернигова и округа (1), Николо-Пешношского монастыря (1), Старицы и ее окрестностей (3), Николо-Коряжемского монастыря (1), Двинской земли (1). Переписка одной книги началась в центре страны — в Николо-Пешношском монастыре, а заверши-

⁴¹ В свете сказанного выше любопытны два казуса. Писцы — муромский и псковский, — работавшие соответственно в 1518/19 и 1540 гг., сначала упоминают местных архиереев (рязанского владыку Сергия и новгородского архиепископа Макария) и лишь затем правящего государя (Василия III и Ивана IV) (*Усачёв А.С.* Книгописание в России... Т. 2. № 108, 282). Имеем мы дело с ошибкой писцов или следует говорить об их позиции, судить сложно.

⁴² *Стрельников С.В.* Землевладение в Ростовском крае в XIV — первой трети XVII века. М.; СПб., 2009. С. 124—141.

лась в Среднем Поволжье — в казанском Спасо-Преображенском монастыре. По сравнению с местными руководителями Церкви упоминания светских чиновников крайне малочисленны. Архиереи в рассмотренных нами источниках упоминались почти в восемь раз чаще наместников, воевод и прочих лиц.

Можно предположить, что незначительность числа их упоминаний, по крайней мере отчасти, могла обуславливаться тем, что речь шла о должностных лицах (исключая, конечно, удельных князей), которые назначались из центра на сравнительно недолгий срок — на 1—2 года⁴³. Спустя некоторое время отдельных наместников в город могли присылать второй и даже третий раз, а в редких случаях и чаще⁴⁴. Ситуация с архиереями была принципиально иной. Они в подавляющем большинстве случаев бессменно руководили кафедрами (лишь некоторые из них смещались с них или уходили «на покой» в связи с «немощью»)⁴⁵, исполняя свои обязанности, в отличие от наместников и воевод, от нескольких лет до нескольких десятилетий. Например, Новгородскую кафедру архиепископ Макарий занимал около 16 лет (1526—1542), архиепископ Пимен — около 18 (1552—1570), архиепископ Александр — около 15 лет (1576—1591); Ростовскую кафедру — архиепископ Никандр — около 17 лет (1549—1566), архиепископ Варлаам (Рогов) — около 16 лет (1587—1603); Тверскую — Акакий около 45 лет (1522—1567) и т.п. Очевидно, что они теснее были связаны с уездами, входящими в состав епархии, нежели присылаемые из центра на ограниченный срок чиновники. Судя по всему, последние, в отличие от архиереев, «своими» для местных писцов в большинстве случаев не становились⁴⁶. Есть основания полагать, что именно фигура архиерея (при его наличии) являлась наиболее значимой для жителей того или иного региона. Источники показывают, что особенно ярко это проявлялось в Новгороде, Ростове и Переяславле-Рязанском.

Подводя итоги, отмечу, что рассмотренный материал, отрывочность которого несомненна, а степень репрезентативности до конца неясна, фиксирует достаточно противоречивую картину, которая была характерна для первого столетия существования Русского государства. С одной стороны, его глава упоминается почти в половине выявленных источников. С другой — число этих упоминаний заметно уменьшается по мере удаления места жительства переписчика от столицы. Также есть основания полагать, что переписчики отдельных земель, вошедших в состав единого государства по историческим меркам сравнительно недавно, считали необходимым продемонстрировать известную автономию от центра в церковной сфере. Это, с одной стороны, отразилось в существенно меньшем числе упоминаний всероссийского владыки (по сравнению с государем), с другой — в том, что в ряде епархий гораздо чаще упоминался местный архиерей, нежели находившийся в столице митрополит. В наибольшей степени это было характерно для Новгородской, Ростовской и Рязанской епархий. В условиях постоянной ротации назначаемых из центра

⁴³ Сведения о сроках пребывания в соответствующей должности наместников и волостелей в первой половине XVI в. см.: *Пашкова Т.И.* Местное управление в Русском государстве первой половины XVI века: наместники и волостели. М., 2000. С. 131—185.

⁴⁴ *Пашкова Т.И.* Местное управление... С. 132—136, 139, 143, 147—149, 152—153, 155.

⁴⁵ Случаи перемещения архиереев с одной кафедры на другую (Трифон (Ступишин), Афанасий (Палецкий), Иов) в рассматриваемый период носили исключительный характер.

⁴⁶ О некоторых исключениях из этого правила см.: *Усачёв А.С.* События прошлого... С. 345—347.

светских чиновников для писцов наиболее значимыми фигурами оставались архиереи.

Фиксируемые в записях явления отражали умонастроения не только профессиональных писцов (их число, судя по всему, было невелико), но и грамотных представителей других социальных групп (чёрного и белого духовенства, светских лиц сравнительно невысокого статуса). Наибольшую активность при упоминании представителей светских и духовных властей, как центральных, так и местных, проявляли более тесно взаимодействующие с ними переписчики из среды белого духовенства, наименьшую — писцы-иноки. С этим, вероятно, и следует связывать то, что выше всего доля упоминаний местных и центральных властей была за пределами монастырских стен.